
А. В. НИКАНДРОВ

**ОТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА
К ОБЩЕНАРОДНОМУ ГОСУДАРСТВУ:
«ЛИКВИДАЦИЯ ДОГМАТИЗМА»
ИЛИ РЕВИЗИОНИЗМ?**

Статья посвящена проблемам истории и теории квазинаучного и квазимарксистского нововведения Н. С. Хрущева – постулата об общенародном государстве. XXII съезд КПСС «констатировал» превращение государства диктатуры пролетариата в общенародное государство. Постулирование концепта общенародного государства в качестве базовой догмы советского общества постепенно привело к снижению роли рабочего класса, несмотря на всю советскую «пролетарскую риторику», что, в свою очередь, неизбежным образом привело к утрате КПСС своей государствообразующей роли. Произошел разрыв с марксистской догматикой, ибо общенародное государство – не марксистская формула, а скорее руссоистская; и возникло противоречие между теорией и практикой, которое не могло быть устранено ни со стороны теории, ни со стороны практики. Была утеряна «пирамидальность», иерархичность политической конструкции (народ – правящий класс – правящая партия), и вместо партийно-пролетарской вертикали развивается советская система сдержек и противовесов партийных и советских органов, оказавшаяся, как показала история, ненадежной.

Ключевые слова: пролетариат, диктатура пролетариата, марксизм-ленинизм, идеология, КПСС, догматизм, догматическая система, И. В. Сталин, общенародное государство, Н. С. Хрущев, ревизионизм, руссоизм.

The article is devoted to the problems of history and theory of quasi-scientific and quasi-Marxist Khrushchev's innovation – the postulate of “the nation-wide state”. XXII Congress of the CPSU “noted” the transformation of the state of the proletariat dictatorship into a nationwide state. The postulation of the concept of “the nationwide state” as the basic dogma of the Soviet society gradually led to a reduction of the role of the working class – despite the

Философия и общество, № 1 2018 18–36

Soviet 'proletarian rhetoric', which in its turn inevitably led to the loss of the state-forming role of the CPSU. There occurred a break with the Marxist dogmatism since the notion of the 'nationwide state' is not a Marxist idea, but rather Rousseau's one; and there appeared an irremovable contradiction between theory and practice which could be removed neither in theory nor in practice. The 'pyramidal nature' and hierarchies of political construction (the people – the ruling class – the ruling party) was lost, and instead of 'the party-proletarian hierarchy' there was installed a specific check-and-balance system of party and soviet institutes, which proved to be historically unreliable.

Keywords: *the proletariat, the dictatorship of the proletariat, Marxism-Leninism, ideology, the CPSU, dogmatism, dogmatic system, J. V. Stalin, the state of the whole people, N. S. Khrushchev, revisionism, Rousseauism.*

Концепты пролетариата, диктатуры пролетариата, партии как силы, осуществляющей диктатуру пролетариата, – безусловно, составляют фундамент и каркас советской марксистско-ленинской государственной догматики, являются определяющим принципом доктринальных разработок советского государства и основой советской идеологической системы. Под руководством Ленина большевистская партия взяла власть, Сталину же предстояло превратить ленинскую риторику в догматику, догматическую *систему*, то есть создать ленинизм (марксизм-ленинизм). При этом для теоретического, догматического и риторического оформления «правления пролетариата», при котором партия – выразитель воли класса – *propter hoc* источник власти и закона, – потребовалось провести практически схоластико-теологическую операцию установления отношений, дистинкций, разграничений в догматической системе «диктатура пролетариата – партия», системе, ставшей основанием для доктринального ее развертывания, системе, задающей основные контуры идеологии. Эту задачу «догматического строительства» Сталин выполнил в настолько сильной степени, что догматическую систему, выстроенную им, можно было только сломать – в конечном счете вместе с партией; но не изменить, «переконструировать». Именно так в итоге и получилось.

«Марксизм – не догма», но чем можно руководствоваться, если не догмами (непререкаемыми положениями)? «Руководство к действию» – это своего рода «политическая инструкция», но можно ли в качестве таковой предложить сомнительные, не утвержденные

авторитетно постулаты, лозунги, речи и прочее, то есть то, истинность чего не установлена и может быть подвергнута сомнению?

С начала 1960-х гг. в теории, в официальных и партийных документах практически монополюно стал употребляться термин «общенародное государство» (как более высокая ступень развития СССР, установленная с отменой диктатуры пролетариата). В тексте Конституции 1977 г. выводится окончательная формула – «социалистическое общенародное государство». «Понятийное движение» в теоретико-догматическом осмыслении и идеологическом оформлении советской государственности предстает таким образом: «вооруженные рабочие» («государство вооруженных рабочих») – диктатура пролетариата (рабочего класса) – социалистическое государство диктатуры пролетариата (рабочего класса) – (советское) социалистическое государство – (социалистическое) общенародное государство. Легко увидеть, как «пролетариат» сначала заменяется «рабочим классом», а затем «уходит» из конструкции; место его замещается «народом»: поначалу с признанием роли пролетариата (рабочего класса) в качестве гегемона (авангарда) народа, затем – практически без упоминания пролетариата (рабочего класса). Пролетариат остался по преимуществу в риторике, догматическая же система претерпевает фундаментальные изменения. Что стало причиной подобного «развития» ленинизма? И что происходит при подобных «догматических операциях»?

Н. С. Хрущев, «дезауировав» Сталина и заставив партию принять «догму» о культе личности, прервал этим актом коммунистическую «генеральную линию» идейной преемственности. При этом Хрущеву было, помимо прочего, важно показать «разрыв» между Сталиным и Лениным в области учения, «доказать» неправильность и догматическую «неправомочность» сталинского развития ленинизма (притом что «ленинизм» как раз теоретическая новация именно Сталина). На самом деле полная нелепость (не говоря уже об ущербности с точки зрения теоретической и догматической последовательности и логичности) свойственна как раз «построениям» Хрущева, особенно в части «развенчания культа личности». Новая пропагандистская схема Хрущева, в основу которой положены квазиидеологемы «культ личности», «коллективное руководство», «отступление *от* – возвращение *к* ленинским идеям», была

не только ошибочной, но по сути заменяла теорию, догматику чисто риторическими конструкциями [см. об этом: Фельдман 2015]. Центральный «постулат» хрущевской схемы – «культ личности» – в качестве ли идеологемы, объяснительной ли конструкции, политического, научного понятия, – совершеннейший абсурд. Но, следует подчеркнуть еще раз, главный вред «постулирования» этого понятия в качестве историко-политической *догмы* – в разрушении линии партийно-теоретической, догматической преемственности. Это *чувствовали* многие: так, Милован Джилас пишет: «Да и сама Москва не та, что прежде. Потеряна монополия на новые идеи и моральное право предписывать единственно разрешенную “линию”. Порвав со Сталиным, она перестала быть идейным центром. Эпоха великих коммунистических монархов и великих идей закончилась...» [Джилас 1992: 333].

Р. И. Косолапов, справедливо утверждая, что «ленинско-сталинская преемственная линия в руководстве советским обществом была уже с середины 50-х гг. подменена хорошо замаскированным ползучим ревизионизмом», заключает: «Внешне все подавалось так, что Хрущев атакует и развенчивает “культ личности” Сталина во имя якобы восстановления норм и традиций ленинизма, социалистической демократии. <...> Реально же... главным объектом атаки была **диктатура рабочего класса** – марксистская формула, замененная на XXII съезде КПСС антинаучным, фантастическим клише “общенародное государство”» [Косолапов 1999: 30]. В Третьей программе КПСС, принятой на XXII съезде, говорится: «Обеспечив полную и окончательную победу социализма – первой фазы коммунизма – и переход общества к развернутому строительству коммунизма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа» [Материалы... 1961: 396]. При этом многие (если не большинство) авторов проектов новой Программы КПСС, как показывает, например, С. С. Згоржельская, критически относились к «устранению» из нее диктатуры пролетариата: так, «с точки зрения М. А. Сулова, отказ от лозунга диктатуры

пролетариата ставил бы под сомнение политическую гегемонию рабочего класса, а следовательно, руководящую роль единственной выразительницы его интересов – коммунистической партии»; однако «под давлением Н. С. Хрущева положение о диктатуре пролетариата было исключено» [Згоржельская 1997: 21–23]. Понятно, что в своих официальных выступлениях Сулов всецело следует «новой линии»: «Идеи общенародного государства и партии всего народа – не плод кабинетных размышлений...»; «Свою руководящую роль рабочий класс после долгой и окончательной победы социализма осуществляет уже не через диктатуру пролетариата» [Сулов 1972: 369].

Руководящая роль рабочего класса остается (погружаясь все более и более в риторику), но ее институционализация ликвидируется: «Рабочий класс – единственный в истории класс, который не ставит целью увековечить свое господство. <...> В условиях победившего социализма и вступления страны в период развернутого строительства коммунизма рабочий класс Советского Союза по собственной инициативе... преобразовал государство своей диктатуры во всенародное государство. <...> Впервые у нас сложилось государство, которое является не диктатурой какого-либо одного класса, а орудием всего общества, всего народа» [Материалы... 1961: 185]. Впрочем, происходят изменения и в риторике: так, М. В. Попов пронизательно замечает, что если в Программе 1961 г. за рабочим классом осталась *руководящая* роль в строительстве социализма, то «в брежневский период ее вытеснила другая формула – у рабочего класса *ведущая* роль» [Попов 2014: 271]. Различие отнюдь не риторическое! Если «руководящий» – в какой-то степени политический предикат, то «ведущий» – скорее метафорический: «ведущую роль» можно трактовать уже практически как угодно. Так, А. И. Фурсов подчеркивает, что «рабочий класс был лишен положения субъекта диктатуры, ему была оставлена некая ведущая роль...» [Фурсов 2017: 663].

Что же происходит с партией, поскольку «нет почвы для диктатуры одного класса»? Партия рабочего класса попросту получает «новый статус» – «партия всего советского народа»: **«Наша марксистско-ленинская партия, возникшая как партия рабочего класса, стала партией всего народа.** В этом проявляется моно-

литное единство и могущество советского общества, спянного единством интересов и мировоззрения» [Материалы... 1961: 224]. Современный российский ученый М. В. Попов расценивает изъятие из партийной программы принципа диктатуры пролетариата как контрреволюцию: «...Правящая партия решила выбросить из своей Программы диктатуру рабочего класса, то есть больше не быть партией диктатуры рабочего класса, а заодно и вообще партией рабочего класса» [Попов 2014: 270]. Но тогда и сам рабочий класс необходимым образом теряет свои качества силы и превосходства, теряет историческую призванность, превращаясь из класса-диктатора в «первого среди равных» среди классов и социальных слоев советского общества (то есть возвращаясь к предреволюционному состоянию квазигегемонии).

Все эти странные новшества подавались как торжество «ленинских норм», а ведь Ленин, создатель партии, был категорически против «расширения социальной базы» партии, создания некоей «общенародной партии» и т. д., настаивая на том, что партия «непосредственно и всецело... представляет интересы только одного пролетариата, только с его классовым движением стремится слиться в одно неразрывное целое» [Ленин 1959: 310].

Неожиданный и чересчур резкий разрыв с прежними теоретико-политическими и идеологическими конструкциями, осуществленный на XXII съезде партии, вызвал подчас жесточайшую критику. Китайские коммунисты заклеили новшество Хрущева как ревизионизм: с «избавлением» от диктатуры пролетариата – квинт-эссенции марксизма – XXII съезд, по их мнению, полностью отходит от марксизма.

Лидер коммунистов Албании Энвер Ходжа пишет о послесталинском руководстве СССР, предъявляя «хрущевцам» такие обвинения: «Ревизионисты захватили власть не для процветания Советского Союза, а для возвращения его назад, для превращения его... в капиталистическую страну, для подчинения его экономически мировому капиталу, для заключения тайных и открытых соглашений с американским империализмом, для подчинения народов и стран народной демократии...» [Ходжа 2010: 22].

Не менее (если не более) суров и пристрастен немецкий маоист Вилли Дикхут, который в своей крайне ангажированной, по накалу

антисоветизма и русофобии (что довольно неожиданно) не уступающей иным «шедеврам» подобного рода книге, вменяя в вину Н. С. Хрущеву и последующим руководителям партии ревизионизм, делает слишком далеко идущие выводы, настаивая на том, что все их теоретические и практические шаги были направлены на захват власти бюрократией и реставрацию капитализма в СССР. «XX съезд, – пишет немецкий маоист, – был отправной точкой фундаментальных изменений социалистической структуры Советского Союза. Началось все с государственного переворота Хрущева... Этот переворот привел бюрократию к власти» [Диккут 2004: 29]*. Предав дело Ленина и Сталина, бюрократы-ревизионисты, продолжает Диккут, «отменили диктатуру пролетариата и восстановили капитализм, но не как частный капитализм, а как капитализм нового типа. Вместо рабочего класса власть над народом сегодня осуществляет ревизионистская бюрократия, новая буржуазия» [Там же: 1]. Ergo, «провозглашение “общенародного государства”... было лишь грандиозным трюком руководящих ревизионистов ради ликвидации диктатуры пролетариата, установления диктатуры бюрократических капиталистов, новой буржуазии, и введения капитализма нового типа» [Там же: 61].

М. В. Попов полагал «изъятие» диктатуры пролетариата контрреволюцией, делая довольно спорный вывод: «...Правильно будет считать, что политическая контрреволюция произошла в СССР в 1961 году. Октябрь 1961 года следует считать началом переходного периода от коммунизма к капитализму» [Попов 2014: 270]. А. И. Фурсов замечает, что «партия... и пролетариат, ранее объединенные в диктатуре пролетариата, теперь как бы разводились» [Фурсов 2017: 663].

Конечно, обвинения в восстановлении капитализма, сделках с империализмом и пр. столь же тяжкие, сколь и незаслуженные; что касается «ревизионизма» – такое обвинение вменить вполне можно. Но главное не в этом. Что изменяется с введением догмата общенародного государства? Происходит разрыв с марксистской догматикой, если не ее разрушение: ведь «общенародное государство» – не марксистская формула, а скорее руссоистская; возникает

---

* В названии книги фамилия автора, Вилли Дикхута, написана ошибочно: «Диккут».

зазор, брешь между теорией и практикой, которая не устраняется ни со стороны теории (догматики), ни со стороны практики. Остается риторика, но долго она не работает...

«Высокая догматика», насыщенная силой, мощной энергетикой, – догматика пролетариата – теряет эту силу, ибо пролетариат – сердце человеческой эмансипации (Маркс), класс, преобразенный революционной энергией, «призванный к господству» (Лукач), обладающий волей к власти и совершенно чуждый всякому реформизму, подкупу со стороны капитала («неподкупный пролетариат»); класс, который, сам будучи истиной истории (ибо его интересы совпадают с интересами человечества), обладает истиной как оружием; класс, порождающий партию, которая в свою очередь пересотворяет, *формирует* его уже в качестве мессианского класса и ведет к власти; этот мессианский класс перестает быть основой конструкции, а значит, перестает *быть*, превращаясь постепенно в обычный, «бернштейнианский» рабочий класс, «пролетариат без нимба», обладающий правами, за которые следует бороться, и т. д. (собственно, реальный рабочий класс, никакой «волей к власти» не обладавший).

Если перейти от метафизики к уровню «банальной политики», то, во-первых, в этом плане интересен взгляд Пьера Бурдьё, который, по словам В. Н. Расторгуева, уверен в том, что рабочий класс «представляет собой не что иное, как *артефакт*, т. е. не реальный факт, а факт искусственный, сфабрикованный – нечто, созданное политиками специально для того, чтобы бороться за власть. Благодаря этому изобретению у политиков появляется совершенно новый ресурс – они выступают уже не от себя лично (кто они такие, чтобы с ними считаться?!), а от целого восходящего класса» [Расторгуев 2017: 75]. Во-вторых, следует согласиться с утверждением Т. И. Ойзермана, который о реальном пролетариате справедливо говорил: «...Весь исторический опыт рабочего движения XX в., вся история социал-демократических партий показывают, что рабочий класс всех развитых капиталистических стран борется за улучшение своего положения в рамках существующего, т. е. капиталистического, строя... не стремясь к упразднению капиталистических производственных отношений, во всяком случае, революционным путем» [Ойзерман 2003: 56]. Впрочем, одно дело быть обычным

рабочим, получающим приличную зарплату, совсем другое – чувствовать принадлежность к мессианскому классу, озаренному историей, обладающему особой внутренней силой, вооруженному особым знанием, представленному в политике и истории особой боевой пролетарской партией, наделенной истинным знанием правильного пути.

Ученые спорят, когда же произошел отказ от принципа диктатуры пролетариата. Так, А. Н. Медушевский, признавая, что «основным постулатом марксистско-ленинской идеологии явился метафизический тезис о “диктатуре пролетариата”, который составлял легитимирующую основу всех конституций советского образца», утверждает, что отказ от принципа диктатуры пролетариата – длительный процесс, первым этапом которого стал «отказ от идеи мировой революции и принятие тезиса о возможности построения социализма в одной стране»; далее – «отказ от формулы диктатуры пролетариата наметился в Конституции 1936 г.»; и дальше, конечно, идут XXI и XXII съезды партии [Медушевский 2017: 629–630]. Г. А. Шмавонян находит в Конституции 1936 г. истоки «радикальной “руссоизации” марксистской концепции диктатуры пролетариата» [Шмавонян 2011: 151]. И в самом деле, *риторика* народного суверенитета, власти трудящихся и т. п. в Конституции 1936 г., в трудах Сталина, советских ученых-обществоведов после 1936 г. отчасти *перекрывает догматику* диктатуры пролетариата, но «догматический каркас» под сомнение это не ставит.

Есть также одна настораживающая деталь, на первый взгляд не столь и важная. В своем докладе «О проекте Конституции Союза ССР» в термине «диктатура пролетариата» Сталин заменяет слово «пролетариат» на словосочетание «рабочий класс». Обоснование по виду логичное: «Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишенный орудий и средств производства...» и т. д. Далее, подводит итог Сталин: «Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя» [Сталин 1945: 510–511]. Но ведь само *слово* «пролетариат» включает, как уже было подчеркнуто, особую энергетику, смысл и т. д., – стоило ли менять овеянный историей и борьбой концепт-

идеологему-теологему на куда как более нейтральное, блеклое словосочетание, социологическое понятие «рабочий класс», совершенно лишенное смысловой насыщенности? Вряд ли здесь выручает сталинское определение: «Рабочий класс СССР – это совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества» [Сталин 1945: 511].

Таким образом, есть немало оснований вместе с А. Н. Медушевским признать, что «отказ от формулы диктатуры пролетариата наметился в Конституции 1936 г.», и вместе с Г. А. Шмавоняном обнаруживать в ней истоки «радикальной “руссоизации”» концепции диктатуры пролетариата. Однако нет никаких оснований соглашаться с Этьеном Балибаром, утверждающим, что «именно советские коммунисты, под руководством Сталина, довольно открыто и осмысленно, впервые в истории “отставили” понятие диктатуры пролетариата. Они сделали это в 1936 году по случаю принятия новой советской конституции» [Балибар 2008: 21].

«Радикальный руссоизм» Конституции 1936 г. компенсируется рядом принципиальных теоретических моментов, конструкций, оговорок (не говоря о том, что сама конституция для Сталина – риторика по преимуществу). *Во-первых*, следует прислушаться к сталинским словам. Отвечая зарубежным критикам, ставившим в вину составителям проекта Конституции, что он, проект, «оставляет нетронутой диктатуру рабочего класса», Сталин сказал: «Я должен признать, что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР» [Сталин 1945: 523]. *Во-вторых*, в теории и Основном законе носителем суверенитета признан не просто народ, а «трудящийся народ», «трудящиеся»; собственно «народ» будет введен только в Конституции 1977 г.: «Новая Конституция впервые вводит понятие “народ”. Конечно, прежнее понятие “трудящиеся” в большой мере совпадает с понятием “народ”. Однако нельзя не отметить, что народ есть более высокая ступень консолидации советского общества» [Кукушкин, Чистяков 1987: 198]. Но «трудящийся народ» – практически (и политически) синоним одного только пролетариата. Рабочий класс – не только «диктатор»,

но и класс ведущий, класс-гегемон, он *не сливается* ни с какими иными классами; партия является именно его авангардом, а не крестьянства; так выходит, что «союз» пролетариата с крестьянством – едва ли равноправный союз. *В-третьих*, в теории совершенно логично постулируется слияние государственного и народного суверенитета в социалистическом обществе, составленном из «дружественных классов», образующих единый народ с единой волей и «всенародной собственностью» (а собственность, согласно марксистской теории, есть основа суверенитета). И. Д. Левин утверждает: «Государственный суверенитет в СССР есть в то же время и народный суверенитет, как государственная собственность – всенародная собственность» [Левин 2003: 276]. *В-четвертых*, сохранение «режима диктатуры рабочего класса» необходимо в связи с враждебным капиталистическим окружением; классовая борьба переходит на международный уровень – таковы императивы «марксистско-ленинской геополитики». *В-пятых*, притом что классовые антагонизмы исчезают, «классовая борьба» внутри СССР, понимаемая как проекция враждебных геополитических сил, не исчезает, но даже обостряется. *В-шестых*, и это главное, партия, которая увенчивает и скрепляет всю монолитную конструкцию диктатуры рабочего класса, немислима вне этой диктатуры, и наоборот – диктатура рабочего класса немислима без партии.

Однако возникает вопрос: как соотносятся в советском политическом дискурсе до первой половины 50-х гг. понятия «диктатура пролетариата»/«государство диктатуры пролетариата» и «(советское) социалистическое государство»? Не является ли понятийно «(советское) социалистическое государство» развитием и замещением, если не преодолением «диктатуры пролетариата»? Нет, не является, ни понятийно, ни практически. Так, Д. И. Чесноков говорит, что формы диктатуры пролетариата могут меняться, сущность же остается: «Советская власть как политическая форма диктатуры пролетариата характеризуется исключительной гибкостью. Она изменяется и развивается по мере развития социалистического государства...» [Чесноков 1952: 99]. Здесь советский ученый опирается на положение Ленина, гласящее, что «переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом

неизбежно одна: *диктатура пролетариата*» [Чесноков 1952: 116]. Ленин же, вспомним, в свою очередь опирается на положение Маркса о диктатуре пролетариата как о переходе к обществу без классов, то есть о достаточно долгом историческом периоде.

Впрочем, в работе 1964 г. Д. И. Чесноков в соответствии с новыми установками партии трактует диктатуру пролетариата совершенно иным образом: «Диктатура пролетариата порождена специфическими условиями переходного периода от капитализма к социализму и представляет собой *политическую организацию общества* в этот период. В таких условиях социалистическое государство является не чем иным, как диктатурой пролетариата. С решением задач переходного периода, с победой социализма, ликвидацией эксплуататорских классов... диктатура пролетариата перестает быть необходимой, а государство диктатуры пролетариата перерастает в государство общенародное». И далее: «Некоторые люди, считающие себя последовательными марксистами... утверждают, будто социалистическое государство остается государством диктатуры пролетариата вплоть до высшей фазы коммунизма. Подобные утверждения свидетельствуют о схоластическом и догматическом подходе этих горе-теоретиков...». И еще: «Догматики и сектанты, распространяющие период диктатуры пролетариата на весь период социализма, по существу разделяют ошибочное положение Сталина об обострении классовой борьбы при социализме...» [Его же 1964: 267–277].

Как в итоге диктатура пролетариата – рабочего класса вписывается в новые теоретические рамки «народа-суверена» и какое место занимает партия? И. Д. Левин пишет: «Власть рабочего класса опирается на волю и активную поддержку всех трудящихся, осознавших, что интересы диктатуры рабочего класса – это всенародные интересы. Народный суверенитет Советского государства – это диктатура рабочего класса, опирающаяся на союз с крестьянством, на поддержку всех трудящихся, на их единодушную волю к построению коммунизма под руководством рабочего класса, под руководством коммунистической партии» [Левин 2003: 275]. Прибавим к этому определение роли партии, которое дает Д. И. Чесноков: «Направляющей и руководящей силой, вносящей единство и целеустремленность в деятельность социалистической надстрой-

ки, является коммунистическая партия. Партия руководит социалистическим государством, всеми массовыми общественными организациями, объединяет работу всех без исключения государственных, хозяйственных, общественных организаций и направляет их к одной цели – к коммунизму» [Чесноков 1952: 24]. Получается мощный образ народа во главе с пролетариатом как некоей единой, целеустремленной силы, сметающей все преграды на пути к коммунизму.

Итак, диктатура пролетариата, «самая мощная и самая могучая власть из всех существующих до сих пор государственных властей» (И. В. Сталин), не теряет силы, остается в теории и политике. Тем не менее следует признать, что словосочетания «диктатура пролетариата», «диктатура рабочего класса» начиная где-то с середины 30-х гг. употребляются значительно реже, чем раньше, что совершенно не означает отказа от этой формулы и принципа (возможно, нежелательность сугубого подчеркивания «диктаторского» характера «правления пролетариата» была связана с международной обстановкой). Народ, трудящиеся получают в риторике, возможно, непропорционально большое место, но это компенсируется особым рода теоретическими конструкциями, нововведениями – своего рода сдерживающей «контрриторикой». При этом и «народ», и «трудящиеся» – понятия, в сравнении с пролетариатом, рабочим классом, нечеткие, размытые. Единый властвующий народ – это практически приближение к коммунизму, политической предпосылкой которого можно полагать слияние государственного суверенитета и суверенитета народа в некий небывалый в истории «сверхсуверенитет» (во всяком случае, такие мотивы советских политиков и пытающихся «подыграть» им теоретиков прочитываются в формуле «общенародное государство»). При этом «единый властвующий народ» – не безобидное понятие, ведь в конечном счете оно не может терпеть и исключает наряду с собой *иную инстанцию* силы, власти и права, каковой *была* партия (а сохранив концепт диктатуры пролетариата, можно было эту инстанцию и сохранить). Здесь было важно теоретико-догматическое лавирование, эквилибристика: не потерять главное, «не сломать» основной элемент конструкции «пролетариат – партия – государство – народ». Это удавалось Сталину, но не удалось последующим руко-

водителям Советского государства, растворившим догматику в риторике.

В конечном счете «руссоизация» государства «руссоизировала», то есть обезличила, расплыла, и партию, превратив ее из классового авангарда, выразителя воли пролетариата, из *volonté générale* класса (что имело смысл, даже учитывая специфическое отношение Руссо к принципу представительства), в безликую *volonté de tous* всего народа (вспомним слова из текста гимна СССР 1977 г. «Партия Ленина – сила *народная*», а уже не «сила *класса*»). Надо подчеркнуть, что в принципе «партия всего народа», своего рода *метопартия*, – весьма сомнительный политико-теоретический конструкт: вбирая в себя *весь* народ, бывшая «боевая партия» становится бесклассовой, бескачественной, над-народной и потому вне-народной. Об этом говорит А. И. Фурсов, делая акцент на противопоставлении народа и партноменклатуры (то есть партии, ставшей уже незаконно правящим квазиклассом): «Если ранее, по крайней мере формально-теоретически, руководящая роль компартии обуславливалась тем, что она выступала авангардной частью рабочего класса, то теперь эта роль приобретает самодовлеющий характер, что абсолютно отражало превращение партноменклатуры в квазикласс. А рабочий класс растворялся в народе, пусть и в качестве ведущей силы, т. е. его роль и значение снижались» [Фурсов 2017: 663].

Так благодаря «руссоистским экзерсисам» Хрущева из умной и идейно вооруженной партии КПСС превращается, расплываясь, в некий коллективный интеллект народа, – собственно, Л. И. Брежнев в выступлении 1970 г. так и выразился: «Партия выступает как организующее ядро всей общественной системы, как коллективный разум всего советского народа» [Брежнев 1973: 581]. Вообще, в утверждении о всенародном характере партии существует возможность движения к абсурду: всенародная партия, сливаясь с народом, становится народом, народ же – становится партией. Восторженный советский комментатор пытается расшифровывать это, мягко сказать, неожиданное высказывание: «КПСС – партия научного коммунизма, коллективный разум советского народа, его сознательный авангард – творчески решает проблемы коммунистического строительства, вносит много нового в сокровищницу марксизма-ленинизма» [Ермолаев 1983: 175].

Последним ударом по партии и пролетариату стал совсем уж сомнительный тезис о «становлении бесклассовой структуры общества» (что является, согласно основоположникам, делом весьма далекого будущего, а именно коммунизма) – как задачи уже социалистической ступени коммунистической формации, выдвинутый XXVII съездом КПСС в развитие достаточно туманных в смысле сущности и перспективы постулатов «полного уничтожения классовых различий», «стирания граней»: «Преодоление различий между этими классами (крестьянством и рабочим классом – *А. Н.*), утверждение в нашей стране общества без классов произойдут в основном в исторических рамках первой, социалистической фазы коммунистической формации» [Материалы... 1986: 155]. По сути получалось, что «стирание» пролетариата в движении к социальной однородности приведет партию (предназначенную «отмереть» только при достижении коммунизма) к превращению в бескачественную структуру (то есть к прекращению существования) уже при социализме.

«В рамках “концепции единства общественной и государственной форм народовластия”, – говорит *А. Н. Медушевский*, – советские юристы обосновывали тезис об “общей государственной воле советского народа, выраженной в законодательстве”, трансформации воли народа в государственную волю, а последней – в волю коммунистической партии» [Медушевский 2017: 518]. Как происходит эта трансформация? «Официально» воля народа, конструировали советские теоретики, выражается не через партию, а через государство, но при посредстве партии (учитывая, что партия пронизывает государство, одновременно являясь и не являясь им): «Объективированная воля народа, выраженная через государственные и общественные организации при руководящей роли КПСС, и является суверенной волей народа», ведь «только Советское государство как определенная форма организации населения, которая способна охватить всех без исключения граждан, может быть выразителем их воли в условиях советского общества» [Безуглов 1970: 39]. Однако «единство деятельности государственных органов и общественных организаций при осуществлении суверенной воли народа обеспечивается руководящей ролью Коммунистической партии Советского Союза» [Там же: 48]. Но при этом «воля

народа», советская *volonté générale*, как и у Руссо, не совпадает с «волей всех»: «...Общенародная воля – это не воля всех без исключения. <...> Верховенство суверенной воли народа предполагает подчинение ей тех, кто проявил к ней свое безразличие или несогласие» [Безуглов 1970: 45]. Следовательно, некая инстанция должна определять, в чем состоит общенародная воля, прочитывать и интерпретировать, определять содержательные моменты и вектор, а затем *вменять* народу то, что он *должен* воливать.

Совершенно очевидно, что в этой «юридической конструкции», претворяющейся в жизнь советскими «практиками», партия, по виду становясь выразителем всего и вся, теряет не то чтобы монолитность, но даже определенность, как бы расплывается, рассеивается в этом всенародном океане. Теряется «пирамидальность» политической конструкции (народ – правящий класс – правящая партия в их гармоничном единстве), завершенность в догматике, теории, риторике и практике. Вместо «иерархии гегемонии/авангарда», партийно-пролетарской вертикали развивается советская система сдержек и противовесов партийных и советских органов – система вроде бы надежная, но, как оказалось, недостаточно. Пролетариат – «фундаментальная референция» ленинско-сталинского государства, *соль* земли – *растворяется* в народе.

Единый народ с единой волей – где здесь место хотя бы гегемонии, не говоря уже о роли авангарда (тем более диктатора) – пролетариата? Соответственно, и бывшая партия рабочего класса едва ли может удержать силу/власть над всем народом как «новой исторической общностью людей» – здесь нужны совершенно иные институты и способы государственной организации; равно как и особое *авторитетное решение*, некая авторитетная теория, способная стать убедительной политической доктриной. Жизненно необходимо было, так сказать, *auctoritatis interpositio*: новое развитие теории мог бы осуществить авторитетный политик-мыслитель и/или идеолог марксизма-ленинизма, личность, придающая силу идеям, какой мог бы стать, допустим, очередной глава партии (но не обязательно), но такового не нашлось. Или же теория могла быть сведена к прежней линии, но нарушение догматической преемственности уничтожило и эту возможность, и здесь не помогли

слабые попытки брежневских теоретиков и идеологов сделать что-либо в этом направлении. Такова ирония истории и теории: если некоторые видные итальянские исследователи политической мысли второй половины XX в. (Гальвано делла Вольпе, Лючио Коллетти) предпринимали попытки *вывести* основы учения Маркса *из* политической мысли Руссо, то руководство СССР 60-х гг. XX в. попыталось на практике *свести*, редуцировать воплощенный в государственном и партийном строительстве марксизм-ленинизм к руссоизму.

Чем вызваны теоретические нововведения Хрущева? Понятно, что невозможно сбросить со счета и своего рода «всеобщую демократизацию», и взрывообразное развитие социальных реформ 60-х гг. как мировой тренд – здесь и «Великое общество» Линдона Джонсона, и общая для Запада концепция-установка Welfare state, и распад колониальной системы, и многое другое, вплоть до *aggiornamento* Второго Ватиканского собора. Важнейшим, если не определяющим, фактором развития этих тенденций в капиталистическом мире было существование мировой социалистической системы. Именно благотворному воздействию СССР и советского блока Запад обязан своими достижениями в социальной сфере. «Простой факт существования в мире антикапиталистической системы – соцлагеря – обусловил такие изменения капитализма, которые не только не были предусмотрены исходным “проектом”, но и противоречили социальной природе капсистемы» [Фурсов 2017: 293]. Ирония (опять-таки истории и теории) состоит в том, что советская идеология и политика подверглись обратному влиянию собственных же принципов; руководители СССР, оказавшись не на высоте положения, были вынуждены уже вслед за Западом проводить собственное *aggiornamento* системы, теории и идеологии – во многом в стиле Запада, по западным образцам, обставляя это трескучей риторикой «для народа, во имя народа».

Литература

- Балибар Э. О диктатуре пролетариата. Б. м. : Contr, 2008.
Безуглов А. А. Суверенитет советского народа. М. : Знание, 1970.

Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи: в 2 т. Т. 2. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1973.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М. : Новости, 1992.

Диккут В. Реставрация капитализма в СССР. М.; СПб. : Слово; Победа, 2004.

Ермолаев А. И. КПСС – партия рабочего класса, авангард советского народа: Исторический процесс развития КПСС в партию всего народа. М. : Мысль, 1983.

Згоржельская С. С. Борьба консервативной и реформаторской тенденций в общественно-политической жизни СССР. 1953–1964 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Косолапов Р. Горбачевский термидор // КПСС: Взлет и крушение. Компартия России: Начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России. Материалы науч. конф. общества «Российские ученые социалистической ориентации» / под общ. ред. И. П. Осадчего. М. : Былина, 1999.

Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1987.

Левин И. Д. Суверенитет. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 6. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959.

Материалы XXII съезда КПСС. М. : Политиздат, 1961.

Материалы XXVII съезда КПСС. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1986.

Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Ойзерман Т. И. Марксизм и утопия. М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Попов М. В. Социальная диалектика. СПб. : Изд-во полит. лит-ры, 2014.

Расторгуев В. Н. Философия политики. Методология политического планирования. М. : Юрайт, 2017.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1945.

Суслов М. А. Избранное. Речи и статьи. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1972.

Фельдман Д. М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М. : Форум: Неолит, 2015.

Фурсов А. И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. М. : Книжный мир, 2017.

Ходжа Э. Хрущев убил Сталина дважды. М. : Алгоритм, 2010.

Чесноков Д. И. Советское социалистическое государство. М. : Гослитиздат, 1952.

Чесноков Д. И. Исторический материализм. М. : Мысль, 1964.

Шмавонян Г. А. Проблемы института советского правительства в юридической науке 20-х и 30-х годов XX в. // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 3. С. 142–166.